

ЭММА ТАУНСЕНД, ПЯТЬ ЛЕТ, СЕРЫЕ ГЛАЗА, КАШТАНОВЫЕ ВОЛОСЫ. П
ЭММА ТАУНСЕНД, ПЯТЬ ЛЕТ, СЕРЫЕ ГЛАЗА, КАШТАНОВЫЕ ВОЛОСЫ. П
ЭММА ТАУНСЕНД, ПЯТЬ ЛЕТ, СЕРЫЕ ГЛАЗА, КАШТАНОВЫЕ ВОЛОСЫ. ПРОПАЛА БЕЗ ВЕСТИ В ИЮНЕ.
ЭММА ТАУНСЕНД, ПЯТЬ ЛЕТ, СЕРЫЕ ГЛАЗА, КАШТАНОВЫЕ ВОЛОСЫ.

РИА ФРАЙ

**НЕ ЕЕ
ДОЧЬ**

INSPIRIA

Москва
2021

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф82

Rea Frey

NOT HER DAUGHTER

Text Copyright © 2018 by Rea Frey
Published by arrangement with St. Martin's Press.
All rights reserved

Редактор серии *Ю. Чернова*

Фрай, Риа.

Ф82 Не ее дочь : [роман] / Риа Фрай ; [перевод с английского Н. Рокачевской]. — Москва : Эксмо, 2021. — 384 с.

ISBN 978-5-04-117215-2

Эмма Таунсенд. Пять лет. Серые глаза, каштановые волосы. Пропала без вести в июне.

Эмме одиноко. Мать постоянно к ней придирается, а отцу, кажется, вообще безразлично, что происходит в семье. Эмма уединяется в своем мире тишины и одиночества.

Сара Уокер. Успешная предпринимательница с разбитым сердцем. Похитительница.

Сара никогда не видела таких очаровательных девочек, как Эмма: крохотная сероглазая принцесса в огромном переполненном аэропорту. Когда Сара встречает девочку второй раз, забирает ее с собой — подальше от дома. Разве это плохо — спасти Эмму от абьюзивной матери?

Эми Таунсенд. Несчастливая жена. Плохая мать. Не уверена, хочет ли она вернуть дочь.

Жизнь Эми — это череда разочарований, но самая большая проблема — ее неспособность наладить отношения с дочерью. А теперь Эмма бесследно пропала.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-117215-2

© Рокачевская Н., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Девочке с красным бантом...
Я до сих пор тебя помню.
Я люблю ее, и это начало и конец всего.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

САРА

во время

Я хватаю ее за руку. На маленькую ладошку налипла грязь, под ногтями черные полумесяцы. Я прижимаю девочку к себе, закрывая от морозящего дождя. Ее красный бант подпрыгивает в такт нашим быстрым шагам. Даже здесь я не могу скрыться от дождя.

Не останавливайся.

Сердце выделяет пируэты и методично стучит где-то в центре лба. Обычно это предвещает страшную головную боль, но сейчас это просто нервы. Ноги неуверенно скользят, неся нас обоих к следующей цели.

Она поднимает на меня взгляд. Брови сведены вместе, левая щека распухла и покраснела. Девочка открывает ротик и тут же закрывает. Не раздумывая, я перемещаю зонтик и подтягиваю ее повыше, так что тонкие ножки обвивают меня за талию. Лодыжки болтаются у моих бедер, мешая идти.

Еще несколько шагов, и мы на месте. Еще несколько шагов, и я разберусь в том, что делаю, куда иду и что натворила.

Мы входим в небольшой пустынный вестибюль. Я закрываю зонтик и крепче прижимаю ее к бедру. Туфли скрипят на скользком мраморном полу в клетку. Я поднимаю ладонь, прикрывая красный бант и распухшую щеку — на случай, если вдруг кто-то посмотрит

в нашу сторону. Потомдвигаюсь к лифтам и нажимаю на поцарапанную золотистую кнопку. Притоптываю, стряхивая воду. Я прижимаю девочку крепче. Ее несвежее дыхание обдает щеку. Я осторожно оборачиваюсь через плечо. И тут сердце предупреждающе екает.

Двери открываются. Из лифта выходит пожилая пара. Я нажимаю на цифру «четыре» — верхний этаж бутик-отеля — и наконец-то аккуратно опускаю девочку.

И только теперь она на меня смотрит, по-настоящему смотрит, а потом вжимается в сверкающую зеркальную стенку. Я подавляю желание сказать, чтобы вела себя поаккуратнее со стеклом.

— Где мама? — шепчет она, и мне приходится наклониться, чтобы расслышать.

— Она... — Я размышляю над ответом. Ее мать дома. Ищет ее. Но уже упустила свой шанс. Я выпрямляюсь. — Она дома, забыла?

Я вижу написанный на лице Эммы вопрос: «А почему же тогда я не с ней?» Но мы уже поднялись на этаж и выходим. Не сводя взгляда с Эммы, я выуживаю из портмоне ключ-карточку. Она идет как обычный ребенок, который никуда не спешит.

Я прикасаюсь ключом к замку, вижу зеленый огонек и слышу тихий щелчок, а затем толкаю тяжелую дверь. Мы входим в темноту. Тут влажно, в воздухе висит густой запах средств для уборки. Я зажигаю свет и оглядываю аккуратную комнату. Девочка стоит в нескольких шагах, и только ее дыхание нарушает тишину.

— Ты как? Есть хочешь?

Она поворачивается ко мне. Красный бант подрагивает на каштановой макушке. Эмма качает головой: «нет». Ее глаза наполняются слезами. Нужно это прекратить, но я не знаю, что сказать или сделать. Мы ведь почти незнакомы.

— Мама меня ищет?

Она говорит уже громче, с большей уверенностью.

Мне хочется сказать, чтобы она забыла о матери — где бы ни искала ее эта жалкая женщина, она нас не найдет.

— Точно не знаю, солнышко.

Я прохожу дальше и запикиваю вещи в сумку, борясь с желанием сбежать отсюда со всех ног. Вероятно, в запасе у меня час, а может, и больше, прежде чем в городе всех поднимут на уши.

Я подхожу к ней, снимаю бант и бросаю его в сумку.

Первая улика.

— Нам пора идти, — говорю я. — Пойдешь со мной?

Она кивает и вытирает нос ладошкой, вздрогнув, когда пальцы задевают больную щеку. За номер я уже заплатила вперед, и наличными, но мы все равно уезжаем. От нас останется лишь пустая, душная, отдраенная комната.

Я беру Эмму за руку, и мы снова идем к двери. Девочка чуть отстает и подволакивает ноги по ковру, а рукой касается обоев в цветочек, словно ступает по воде. Я нажимаю кнопку лифта и прочесываю взглядом коридор. Хлопают несколько дверей, но никто не выходит. Дверь лифта открывается. Там пусто. Хорошее предзнаменование? Маленький подарок судьбы? Я снова зову Эмму, предельно ласково, и она входит в лифт.

— Нажмешь кнопку? — Я показываю на цифру «один», но Эмма качает головой и быстро отходит в угол. Я тыкаю в кнопку пальцем, и двери закрываются. Мы едем вниз. С каждым этажом мы все ближе к свободе.

Изо всех сил приглушаю панику. Я толком не понимаю, что делаю и что натворила, но нужно двигаться

дальше. Нужно добраться домой. И я заберу с собой Эмму, милую, ни о чем не подозревающую Эмму. Теперь я за нее в ответе и буду оберегать. Я перепишу ее историю, преобразую воспоминания, заменю дрянное детство отрывочными фрагментами: *до того, во время и после. Тогда, сейчас, когда-нибудь.*

Я судорожно дышу в ожидании. Лифт останавливается на первом этаже. Колотится сердце. Двери разъезжаются в стороны. Мы выходим.

И идем дальше.

до того

Я открыла глаза.

Прошла целая минута, прежде чем я осознала, что Итана нет рядом, что он не обхватывает меня, словно собирается перекатить на пол. По утрам у него никогда не бывало плохого запаха изо рта, и это удачное обстоятельство позволяло ему наслаждаться утренними поцелуями. Каждое утро я в полусонном состоянии выпутывалась из его объятий, чтобы почистить зубы и мазнуть себя дезодорантом.

Нужно избавиться от этой квартиры, прежде чем нахлынут ежедневные напоминания: отсутствие кофе, тишина в спальне, натягивание одежды в одиночестве, нетронутая простыня с правой стороны кровати. Итан был в нашем любимом кафе. На заросших травой глинистых тропах. Стоял на платформе в метро, ждал в кондитерской с булочкой в руках и улыбался. Воспоминания о нем преследовали повсюду.

Люди расстаются каждый день. Теряют кого-то. У многих случаются настоящие трагедии, а не просто банальные истории знакомства и разбитого сердца. Мне пора уже было с этим справиться.

Но из миллиона мелочей, по которым я так скучала без него, сейчас мне больше всего не доставало кофе. На день рождения Итан подарил мне особую кофеварку, «Кемекс», и хотя сам он не пил кофе, но исследовал процесс заваривания и превратил его в чистую науку.

— Ты будешь его пить?

Я развернулась, вдыхая ароматы темного шоколада и древесины очередного сорта кофе, который он купил, и мы стукнулись локтями.

— А что?

— Всего три пузыря. Дерьмовый кофе. — Он осмотрел пакет, детально его изучив, словно пропустил что-то важное, скрытое под биркой с ценой — семнадцать девяносто девять. Когда Итан находил хороший сорт и кофе пузырился как мыльная пена, он хлопал ладонью по столешнице, словно победил в соревновании кофеманов. Именно это я в нем и обожала, как он вкладывал всего себя во что-то важное для меня, а не для него. Тогда я считала себя такой везучей, ведь мне посчастливилось найти Его. Единственного и на всю жизнь. Не было такого мира, в котором мы существовали бы порознь.

Теперь же мне не хотелось быть частью этого мира.

* * *

В девять утра я поднялась на седьмой этаж и пробежала взглядом по логотипу компании. «КУРС: Координировать. Усваивать. Решать. Создавать». Итан вырезал эту табличку из орешника и сам помог прикрепить ее к стене почти три года назад.

— Доброе утро, босс, — поприветствовала меня Мэдисон из-за стойки администратора.

— Доброе утро. Уже дел невпроворот?

— Ты же знаешь. — Она вышла из-за стола, чтобы забрать мои вещи. — Как всегда. Хочешь начать с кофе?

Я кивнула, вошла к себе, сразу направилась к окну, моей любимой части кабинета, и прижала пальцы к холодному стеклу. Шел дождь, которого я уже почти не замечала, ведь он практически никогда не прекращался.

Переехав в Портленд, я сначала думала, что вечный дождь — это просто фигура речи, но дождь и впрямь лил постоянно, как и говорили. Морозящий липкий дождь, от которого волосы и одежда становились раздражающе влажными. Волосы закручивались в кудряшки, и приходилось стягивать их на макушке в пучок и закреплять вечно выскакивающими шпильками. Итан находил шпильки повсюду — в диванных подушках, на полу, на улицах. Он разгибал их и искал какое-нибудь новое применение, к примеру, вычищал серу из ушей (к моему ужасу) или выковыривал косточки из вишен, увидев это на YouTube.

Я коснулась ожерелья в виде ключа, теребя металл и размышляя о делах на ближайшие недели. Я занималась Эфиопией и Сенегалом — в этих странах «КУРС» еще не присутствовал. Мы готовили для каждой страны новую продукцию, а кто лучше, чем глава компании, сумеет продемонстрировать детям учебные пособия?

Как и многие компании, «КУРС» начал с малого — персонализированных электронных книг для детей. Дети или родители заполняли вопросники о возрасте, любимых игрушках, темах и занятиях, а я создавала персонализированные рассказы, чтобы помочь детям с обучением. Мне присылали фотографии игрушек, домашних животных и портрет самого ребенка, чтобы дети становились героями личных приключений. За несколько месяцев наши книги стали популярными

в Интернете, и меня попросили заняться настоящими учебными пособиями, хотя я предпочла ограничиться электронным форматом, чтобы снизить издержки. Но, в конце концов, меня вдохновила идея персонализированного учебного пособия на основе культурных традиций, а не возрастной группы. Компания так удачно вышла на мировой рынок, что три претендента отчаянно хотели ее купить. Раз в неделю они звонили с предложениями, которые будоражили мозг перспективами полной финансовой свободы, но я пока не была готова. Я по-прежнему была увлечена своим делом и хотела сосредоточиться на росте компании как на местном, так и на международном рынке.

Мои мысли прервала Мэдисон с огромной кружкой кофе.

— Отхватила у Тревиса последнюю порцию с его домашним миндальным молоком.

— Отлично, спасибо.

Я взяла кружку и сделала большой глоток.

Мэдисон принесла свой планшет и огласила список недавних заказов, программу моей поездки, а также какие продукты нуждаются в изменениях.

— Брэд со своей командой уже начали работу над багами, так что не стоит тревожиться. Я серьезно. Они справятся.

Мэдисон пожевала нижнюю губу. Она хорошо меня знала: при возникновении неполадок я обычно занималась ими сама. Меня считали склонной к излишнему контролю, даже паникершей, но я училась распределять ответственность.

— Отлично. — Я ободряюще улыбнулась. — Я им доверяю. Что там дальше?

Я выпрямилась в кресле и развернулась лицом к окну, занимающему всю стену. Колесики возмущен-

но скрипнули, и я поморщилась. Морось уже прекратилась, сквозь облака неожиданно выглянул клочок солнца.

— На ближайшие двое суток это все. — Мэдисон вытащила из нижнего ящика стола аэрозольный баллончик с маслом и брызнула на колесики кресла. Потом вытерла руки и посмотрела на часы. Это был своего рода нервный тик из-за моей сверхпунктуальности. — У тебя встреча с Тревисом в одиннадцать, то есть через два часа. — Каблучки ее туфель от «Прада» зацокали к двери. — Открыть или закрыть?

— Закрыть.

Следующие два часа испарились в завалах электронной почты и подготовке к поездке. После третьей чашки кофе я сделала перерыв и открыла браузер. Я удалила Facebook с телефона, но он по-прежнему манил меня на компьютере. Чем занят Итан? С кем-нибудь встречается? Что нового он продает в магазине? Незнание впивалась в кожу острыми коготками.

— Не делай этого, Уолкер, не надо.

У меня заныло сердце. Кого я пытаюсь обмануть? Стоило мне оказаться в Сети, и первым делом я думала о нем. Каждый раз, проматывая ленту новостей, я надеялась его увидеть. При каждом звонке телефона я тайно надеялась, что это он написал СМС, позвонил или прислал имейл.

Сначала я просмотрела свою страницу, а потом новости друзей, заметив последний тест: «На кого из знаменитостей вы больше всего похожи?» Я кликнула по нему, разрешила Facebook загрузить мои фотографии и данные профиля — и вуаля! Он выдал результат: «Поздравляем! Вы классическая красавица на все времена. Вы похожи на Энн Хэтэуэй». Я изучила фото Энн

и свое. Сходство и впрямь имелось. Мы обе высокие, с белой кожей, темными волосами и большими нежными глазами. Итан говорил, что у меня томный взгляд. Будто лучше всего я выгляжу сразу после пробежки, когда смываю с лица косметику. У нас с Энн одинаковые пухлые губы. Но она худощава, а я спортивного телосложения, у меня фигура бегуньи, а она гибкая, как тростинка. Я закрыла окно, решив не выставлять результаты теста на всеобщее обозрение.

Я упивалась комплиментами Итана и как будто выстраивала на них всю свою жизнь. Как это меня характеризует, если даже сейчас, когда я колдую над цифрами и отправляю заказы на детские учебные пособия, я без мужчины неспособна разобраться в собственной жизни? Очевидно, Итан заполнял для меня пустоту, как и карьера. А теперь мне стало казаться, что испарились все надежды на нормальную жизнь — брак, детей, традиционный дом и отпуска всей семьей.

— Сара? — Мэдисон сунула голову в приоткрытую дверь. — Тревис готов.

— Уже иду.

Я подвинула мышку к крестик в уголке, чтобы закрыть окно. Лучше бы Итан заблокировал меня, как только мы разошлись, но он был не из таких. Он не стал бы выставлять напоказ новые отношения, но ему бы и не пришло в голову, что я просматриваю его страницу. Сейчас мне уже полегчало, и я заглядывала на нее не чаще раза в неделю, но все же. За полгода после расставания мы даже ни разу не столкнулись друг с другом в излюбленных местах.

Я вздохнула и набрала фамилию Итана. И тут же выскочила его фотография, снятая три дня назад, с обгоревшим на солнце лицом и искренней улыбкой. Его рука лежала на плече девушки.